

УДК 821.161.1: 908

doi 10.17072/2073-6681-2019-1-25-36

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ В ЛЕГЕНДАРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ (по материалам публикаций XIX века)¹

Оксана Алексеевна Колегова

преподаватель русского языка как иностранного

Санкт-Петербургский государственный технологический институт

(технологический университет)

190013, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский просп., 26. okko.21@yandex.ru

SPIN-код: 7596-9696

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6908-0940>

ResearcherID: S-4036-2018

Статья поступила в редакцию 16.10.2018

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Колегова О. А. Исторические персонажи в легендарно-исторической прозе Пермской губернии (по материалам публикаций XIX века) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 1. С. 25–36. doi 10.17072/2073-6681-2019-1-25-36

Please cite this article in English as:

Kolegova O. A. Istoricheskie personazhi v legendarno-istoricheskoy proze Permskoy gubernii (po materialam publikatsiy XIX veka) [Historical Characters in Folk Legends of the Perm Region (Based on Publications of the 19th Century)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2019, vol. 11, issue 1, pp. 25–36. doi 10.17072/2073-6681-2019-1-25-36 (In Russ.)

Изучение легендарно-исторического фольклора дает возможность увидеть устную версию истории, сложившуюся на конкретной территории и во многом отличную от официальной. В статье рассматриваются предания и легенды, обнаруженные в изданиях XIX в. и относящиеся к Пермской губернии, центральным персонажем которых является реальное историческое лицо. Анализ сюжетов показывает, как местными жителями осмыслились контакты с иноэтничным населением, какие сведения об основании городов, сел и возведении церквей стали частью устной традиции, как представлены в народном сознании образы правителей, религиозных подвижников, бунтовщиков и т. д. В фольклорную традицию Пермской губернии предсказуемо входят имена тех исторических лиц, которые оказали большое влияние на жизнь страны и региона (Иван Грозный, Петр I) либо посетили территорию (Александр I). Из числа прочих исторических персонажей наиболее популярными оказываются Стефан Пермский, атаман Ермак и бунтовщик Пугачев. Часть образов и сюжетов является общей с другими региональными традициями, однако обнаруживаются специфически региональные персонажи («ныробский узник» Михаил Романов, монастырские настоятели Далмат и Пафнутий) и редкие мотивы (женитьба Ермака на дочери Строганова). Выявленная совокупность исторических персонажей и сюжетов дает представление о содержании пермской устной традиции в XIX в., хотя не в полной мере отражает его. На отбор сведений, попадающих в губернские газеты, влияет официальный статус изданий, интересы и вкусы читателей.

Ключевые слова: фольклорная историческая проза; периодика XIX в.; предание; легенда; исторический персонаж; Иван Грозный; Петр I; Стефан Пермский; Далмат Исетский; Ермак; Пугачев.

Фольклорно-историческая проза представляет особый интерес для исследователей по ряду причин. Во-первых, в ней сохраняются – пусть и в преобразованном виде – сведения об историче-

ском прошлом региона, а сама фиксация конкретных сюжетов служит показателем глубины и устойчивости устной исторической памяти. В преданиях, например, не могут не отразиться

локальные военные столкновения, воспоминания о первых поселенцах, сведения о живших на данной территории «старцах» (святых, религиозных подвижниках, духовных лидерах старообрядческих общин). По фольклорным сюжетам мы можем судить также о типичном для традиционного сознания способе восприятия и отражения выдающихся чем-либо личностей, исторических событий и процессов, межэтнических и межконфессиональных контактов. Как известно, устная народная память о реальном прошлом «оформляется» и передается не точно и прямо, а с помощью сюжетных схем фольклорного типа; отбор этих во многом универсальных схем для воплощения конкретного, регионально приуроченного исторического опыта составляет часть специфики местной традиции.

В. К. Соколова, стоявшая у истоков жанровой классификации несказочного фольклора, считала, что предания необходимо группировать по циклам, т. к. в подавляющем большинстве случаев русские исторические предания сосредоточены вокруг персонажа – исторического лица [Соколова 1970: 6]. В монографии «Русские исторические предания» она выделяет следующие тематические группы: о борьбе с внешними врагами; об Иване Грозном и Петре Первом; о Ермаке; о Разине и Пугачеве; о разбойниках; о кладах. Перечисленные исторические лица в значительной мере изменили ход жизни всей страны, поэтому они часто упоминаются в русском фольклоре. В то же время сюжеты легенд и преданий соотносятся не только с общезначимыми историческими событиями, но и с более специфичными фактами локальной истории.

Исследования фольклорной легендарно-исторической прозы Пермского края трудно назвать многочисленными. Внимание специалистов устойчиво привлекает легендарный чудской народ, рассказы о котором особенно популярны в русской и коми-пермяцкой традициях Северного Прикамья [Парма – земля чуди 2009; Королева 2014; Моряхина 2014 и др.]. Другой вектор интереса направлен на отражение истории края в устной традиции [Чагин 1999; Куприянов 2013]. Легендарные сюжеты обычно приводятся в работах как иллюстративный материал, характеризующий религиозную жизнь Прикамья – основание монастырей, учреждение крестных ходов и т. п. [Кустова 2014].

В этой статье мы рассмотрим некоторые сюжеты пермской легендарно-исторической прозы, обнаруженные в периодических и непериодических изданиях XIX в. Материалом для анализа послужили сюжеты, события в которых выстраиваются вокруг конкретного исторического лица – царя, религиозного деятеля, бунтовщика и др.

Эти тексты сопоставляются с фольклорной традицией других регионов, а также с записями, сделанными на территории Пермского края в более позднее время, в XX в. Сравнение выявленных в пермской легендарно-исторической прозе фольклорных мотивов и образов с материалом, зафиксированным на других территориях, дает возможность обнаружить уникальных и типичных для фольклора Пермской губернии персонажей, а также увидеть, какова разница в изображении одного исторического лица жителями разных территорий. Привлечение прикамских текстов, записанных в XX в., помогает обнаружить динамику фольклорной традиции и показывает устойчивость отдельных сюжетов. В работе рассматривается фольклорная проза, записанная именно на территории бывшей Пермской губернии – т. е. в границах более широких, чем сегодняшние: они включали не только современный Пермский край (без южных районов), но и Свердловскую и часть Курганской области.

Назовем основные учтенные нами источники. Прежде всего это «Пермские губернские ведомости» за 1838–1891 гг. (далее – ПГВ)²; в неофициальной части публиковалась «народная поэзия, большое количество статей и заметок, в которых проявился интерес к народному быту. Форма привлечения фольклорно-этнографических материалов многообразна: публикация, этнографическая заметка, социально-этнографический очерк и т. д.» [Кустов 1971: 136]. Другой источник – «Пермские епархиальные ведомости» за 1867–1878 гг. (далее – ПЕВ); в неофициальной части издания описывалась религиозная жизнь местных приходов, поэтому здесь можно найти легенды о чудотворных иконах, явлении святого простому человеку и т. п. Фольклорные сюжеты отражены также в непериодических региональных и центральных изданиях. Одним из первых, кто начал собирательскую деятельность в Пермской губернии, был путешественник и историк флота В. Н. Берх, оказавшийся здесь по долгу службы. Наблюдения и собранный материал исследователь отразил в работе «Путешествие в города Чердын и Соликамск для изыскания исторических древностей» (1821), которую впоследствии активно цитировали ПГВ. Культуре и этнографии Пермской губернии посвящен «Пермский сборник», два выпуска которого вышли в Москве в 1859 и 1860 гг. Наконец, частично учтены фольклорные сведения, приведенные в труде пермского краеведа В. Н. Шишонко «Пермская летопись» (1881. Т. 1).

Всего из перечисленных изданий нами было извлечено и обработано более 170 текстов, содержащих устные легендарно-исторические сюжеты. В процессе первичной классификации мы

разделили их на группы (категории) в зависимости от главенствующего компонента текста. Выделено 6 таких компонентов (и, следовательно, групп текстов): субъект, объект, топоним, локус, чудо, практики и ритуалы, локальные прозвища³. Оказалось, что в наибольшем количестве представлены сюжеты, где действует какой-либо субъект. Их преобладание объясняется тем, что сюжет легче всего выстраивается вокруг персонажа, т. к. герой способен совершать значимые поступки, изменять привычный уклад вещей и т. п. Субъект может быть как индивидуальным (например, историческое лицо или странник), так и коллективным (чуждой народ, ногайские татары).

В обнаруженных нами пермских преданиях и легендах XIX в. наиболее популярными персонажами оказываются первые поселенцы, раскольники, этнические соседи, заводские управляющие и нек. др. Исторические фигуры остаются иногда безымянными («один купец», «царь»). Упомянутые в тексте исторические личности представлены в таблице.

**Фольклорные тексты об историческом лице
в фольклоре Пермской губернии
Folklore Texts about Historical Characters
in the Folklore of the Perm Region**

Историческое лицо	Источник
Иван Грозный	Берх, 1821; ПГВ, 1858
Михаил Никитич Романов (дядя царя)	Берх, 1821; ПГВ, 1870; ПЕВ, 1873
Михаил Федорович Романов (царь)	Берх, 1821
Петр Первый	ПГВ, 1859; ПГВ, 1860; ПГВ, 1877
Александр Первый	ПГВ, 1866; ПГВ, 1883
Стефан Пермский	ПЕВ, 1867; Берх, 1821
Старец Далмат	ПГВ, 1858; ПГВ, 1866; ПЕВ, 1867
Архимандрит Пафнутий	ПЕВ, 1867
Ермак	ПГВ, 1880; ПГВ, 1881; Берх, 1821
Емельян Пугачев	ПГВ, 1861; Пермский сборник, 1859; Берх, 1821
Александр фон Гумбольдт	ПГВ, 1866

**Образы правителей в пермской
фольклорной сказочной прозе**

В пермских преданиях XIX в. исторический персонаж часто появляется в текстах о борьбе с этническими соседями. Например, в ПГВ были опубликованы циклы статей о Соликамске и Кунгуре, в которых, помимо прочего, описывались локальные столкновения русского населения с соседними народами и появлялся образ царя-«заступника». Собственно фольклорная сюжетная схема сводится к тому, что местные жи-

тели обращаются за помощью к правителю, однако царь не присылает войска для защиты городов и сел – вместо этого он отправляет в подарок икону, помогающую выстоять в битве. В предании о борьбе жителей Соликамска с ногайскими татарами в роли царя-дарителя выступает Иван Грозный: «...жители города хотя и защищались собственными силами и средствами, но часто терпели от них поражения и разорения, и потому, когда узнали, что Царь Иоанн Васильевич находится в войске под Казанью, послали к нему просить войска для защиты страны от набегов и опустошения. Вместо того царь послал им образ Святителя Николая с грамотою такого содержания, что по елику Царь со своим войском под Казанью, то и не может уделить из оного для защиты Соликамска, но посылает им образ Святителя Николая, который защитит их от вражеского нашествия» (Луканин 1858, № 41: 176–177). Нет официальных исторических документов, которые подтвердили бы факт дарения Иваном Грозным иконы Соликамску. Из летописных источников известно, однако, что икону, считавшуюся царским подарком, регулярно носили на крестные ходы, она являлась одной из главных реликвий города (там же). Примечательно, что сходные сюжеты связывались и с другими храмовыми иконами Соликамска. Так, однажды сибирские татары якобы отступили от города, увидев выставленные на стенах большие иконы Спасителя и Сретенья Господня и приняв изображенные лики за больших воинов; в народе эти почитаемые иконы стали называться «башенными» [Чагин 2004: 175].

Зафиксировано в Соликамске и предание о планировавшемся визите Ивана Грозного, оно записано В. Н. Берхом со слов капитана Николая Рычкова. Тот полагал, что город был построен спустя несколько лет после взятия Казани, поскольку «слышал от жителей старинное предание, что Царь Иван Васильевич, взявши Казань, поехал рекою Камаю в Соликамск; но доплыв до места, где ныне сей город находится, занемог и, оставя свое предприятие, поспешил в Москву» (Берх 1821: 2). Исторические источники показывают, что царь Иван Грозный в Соликамске никогда не был, однако в устной традиции XIX в. имя царя прочно связывалось с этим городом. Приведенный рассказ относится к группе сюжетов о пребывании исторического лица в какой-либо местности. В вятской фольклорной прозе встречаются сходные мотивы – Иван Грозный останавливается на местном кургане во время казанского похода: «Курганы по Пижме. <...> По преданию, здесь раскидывал свою палатку Грозный царь во время своего похода на Казань» [Приказчикова 2009: 202]. Широкое отражение

казанского похода в народной исторической памяти отмечает и этнограф Г. Н. Чагин [Чагин 1999: 48].

Интересно, что в периодических и неперiodических изданиях Пермской губернии сравнительно редко встречаются предания о другом популярном в устной традиции правителе – Петре I. Одно из фольклорных упоминаний о нем относится к Верхотурию и связано со строительством городского Свято-Троицкого собора: *«Есть предание, что образчик кирпича, приготовленного для кладки собора, был представляем для освидетельствования Самому Великому Преобразователю России по собственному Его повелению»* (Попов 1859, № 11: 36). Мотив этот не уникален, сходный повествовательный элемент встречается, к примеру, на Русском Севере: там Петр I собственноручно делает рисунок, по которому затем строят церковь [Криничная 1991: № 383]. Показательно, что в сборнике преданий, в разное время записанных в Карелии и Каргаполье и подготовленных к публикации Н. А. Криничной, большая часть сюжетов об историческом лице связана с деятельностью Петра [Криничная 1991], а в тематическом указателе Н. В. Петрова и А. Б. Мороза к современным каргапольским фольклорным записям категория «Царь» вообще совмещена с категорией «Петр Первый» [Мороз, Петров 2016: 442]. В уральском фольклоре второй половины XX в. Петр упоминается в сюжетах, связанных с промышленной деятельностью Демидовых, и выступает как покровитель оружейника и заводчика Никиты Демидова [Кругляшова 1991: 142–145].

Значительным событием местной жизни являлось пребывание на Среднем Урале членов царской фамилии. В частности, долго сохранялись в устной традиции рассказы об императоре Александре I, посетившем в 1824 г. проездом из Оренбурга Пермь, Кунгур и Екатеринбург [Чагин 1999: 77]. Один из таких рассказов попадает в 1866 г. на страницы ПГВ: его включает в свои «Заметки о пребывании в Зауралье государя Александра Павловича в 1824 году» краевед А. Н. Зырянов. В предании говорится о случайной встрече императора с крестьянином Шадринского уезда Егором Брюхановым, гнавшим табун лошадей на заводы для перепродажи: *«С приближением поезда венценосного путешественника лошади, которых гнал Брюханов, испугавшись шума и стука от экипажей, бросились в стороны и забежали в хлеба, находившиеся около дороги; товарищи Брюханова от какого-то непонятного страха рассеялись по окрестностям. Брюханов остался на месте один и занялся сгоном лошадей из хлебов. Когда поезд поравнялся с табуном лошадей, государь дал*

знак остановится и дал знак Брюханову приблизиться к нему. Со страхом и трепетом Брюханов предстал перед светлые очи царя, которого удостоился видеть в первый раз в жизни» (Зырянов 1866, № 12: 47). В основе текста, носящего очевидные следы литературной обработки, лежит широко распространенная фольклорная сюжетная схема, основанная на встрече простого человека (крестьянина, мастерового, солдата и др.) с царем. Как и в других преданиях данной тематической группы, крестьянин руководствуется чувством долга и проявляет смелость, государь восхищен трудолюбием / находчивостью подданного и одаривает его. Публикатор, однако, придает узнаваемой фольклорной истории литературную форму, типичную для массового чтения того времени. Государь изрекает поучительную сентенцию, а крестьянин усердно демонстрирует верноподданнические чувства: *«Монарх перекрестился <...> и, вынув из кармана ассигнацию в 25 рублей, подал ее Брюханову. “Ступай, – милостиво сказал государь Брюханову, – отгоняй стада из хлеба, береги хлеб как запас насущный и капитал ценный – самый необходимый для пахаря и всякого другого”. Брюханов восторженными слезами поблагодарил благодушного царя за милостивый подарок его. <...> До смерти своей Брюханов с восхищением вспоминал встречу свою с Александром Благословенным, умиленно и благоговейно рассказывал о ней как о минуте самой торжественной и счастливой в его жизни»* (там же).

Н. А. Криничная выделяет подобные сюжеты в особую группу «Предания о царской награде» [Криничная 1991: № 330–349] (к ней близки две другие – «О признании царем превосходства над ним подданного» и «О кумовстве царя с подданными» [там же: № 350–368]). Реально-историческая основа подобных рассказов обеспечивалась не только поездками царственных особ как таковыми, но и их встречами с местными жителями. Про Александра I, в частности, известно, что в с. Кыласово он, не выходя из экипажа, встречался с местным священником в присутствии крестьян, а в с. Большие Ключи Красноуфимского уезда император заночевал у священника Т. Бударина и подарил ему на память золотые часы [Чагин 1999: 77–78].

В устной исторической прозе второй половины XX в., записи которой хранятся в фольклорном архиве филологического факультета ПГНИУ, упоминаний об Александре I нам не встретилось. В этих текстах фигурируют другие царские особы, преимущественно императрицы Елизавета и Екатерина II. С Елизаветой связывается, к примеру, сюжет о чудесном исцелении на местном роднике: *«Елизавете Петровне сон приснился,*

она приказала выложить в Романово каретную дорогу. Сделали большую бревенчатую дорогу. И ее сюда на карете привезли. Она помылась в роднике, с собой воды взяла и уехала. Потом второй раз приехала. На третий раз сама встала на ноги и пошла» (Зап. от матушки Юлии, с. Романово, Усольский район, Пермская обл. Соб. Е. Мелюхина, Н. Савельева, 2004 г., дневник № 904). Возможно, исторической основой для появления этого сюжета послужил непродолжительный визит в Пермь и Пермскую губернию в 1914 г. другой Елизаветы, имевшей отношение к Дому Романовых, – сестры императрицы Александры Федоровны [Гладышев]. Смещение / совмещение исторических лиц с одинаковыми именами – типичная черта фольклорного сознания.

«Ныробский узник». Уникальными преданиями, зафиксированными в Пермской губернии, можно считать сюжеты о заточенном в Ныробе Михаиле Романове – дяде первого русского царя из новой династии. Цикл этих преданий имеет под собой реальную основу: Борис Годунов устраняет соперников в борьбе за престол, в результате Федор Никитич Романов (после пострижения – патриарх Филарет) сослан в монастырь под Архангельск, его жена, инокиня Марфа – в Заонежье⁴, братья Иван и Василий – в Пелым, Александр – в Усолье-Луду, а Михаил Никитич – в Ныроб (в то время д. Ныробку), где в 1602 г. скончался [Чагин 2013: 12]. Подробно об этом заточении пишет краевед Н. П. Белдыцкий в работе «Ныробский узник» [Белдыцкий 1913].

В предании, которое В. Н. Берх услышал от местных крестьян более двух столетий спустя, Михаил Романов наделяется чертами богатыря: пока шестеро сторожей копали для опального боярина земляную яму, «М[ихаила] Н[икити]ча, стоявшего подле саней, завалило снегом. Утесненный оным, схватил он обеими руками сани, и отбросил оныя шагов на десять в сторону. Толь необыкновенная сила <...> удивила Ныробцов; сани были так тяжелы, что едва пять человек могли оныя тронуть с места» (Берх 1821: 99). В ПЕВ находим другой вариант этого рассказа: «когда привезли его [Михаила Никишча] в село Ныроб и начали копать для него землянку, то он, вышедши из своей повозки, несмотря на свои тяжкия двухпудовыя оковы, схватил обеими руками копавших для него эту живую могилу шесть сторожей и кинул их от себя шагов на десять» (Попов 1873, № 11: 76–77).

Предания о богатырях встречаются во многих региональных традициях. Часто такими чертами наделяется и простой человек. Так, среди севернорусских преданий встречается рассказ о силаче Иване Донском – беглеце из Москвы: «При

царе Иване Грозном у нас беглец был, Донской; великан был, потому и деревня Великодворская. Силач был, ходил в Москву бороться, тоже верхову брал» [Криничная 1991: № 181]. Как видим, необыкновенной силой наделяется не местный житель, а чужой, пришлый, сбежавший от царя. Михаил Романов – также чужой, пострадавший от действий власти. Можно предположить, что появившиеся неожиданно и не вписывавшиеся в обычную обстановку люди казались местным жителям необыкновенными и поэтому могли наделяться в устной памяти чертами богатырей, невероятных силачей. Примечательна и другая черта народного сознания, приводящая в некоторых случаях к смешению образа дяди царя Михаила Романова с образом самого царя. В Ныробе Михаил Никитич, имевший чин окольного, повсеместно называется боярином, что «не соответствует историческим фактам, зато совершенно точно отражает логику местного предания»: «Логическим завершением этого “повышения” является замена “боярина” на “царя” <...> закономерная и естественная с точки зрения локального текста» [Куприянов 2013: 45–46].

Как известно, царь Михаил Романов, а позднее и другие представители династии, поддерживали жителей Ныроба: до 1720 г. они были освобождены от налоговых податей, из казны выделялись деньги на поддержание и строительство местных церквей [Чагин 2013: 31–33]. Над земляной ямой, в которой мучился и скончался дядя царя, в начале XVIII в. была построена деревянная часовня, которую затем сменила каменная (в начале XX в. по случаю 300-летия Дома Романовых вокруг нее был разбит мемориальный парк). В начале XVIII в. возведен каменный Никольский храм, в 1736 г. на месте первого захоронения Михаила Никитича и деревянной церкви построена Богоявленская церковь, где располагалась усыпальница-кенотаф и находились кандалы «ныробского узника» (в настоящее время хранятся в краеведческом музее г. Чердыни). Таким образом, при содействии царской фамилии сформировался мемориальный комплекс, поддерживавший память о родовитом мученике [там же: 54–78], а народные формы его культа приобретали преимущественно церковный характер.

Почитанием местных жителей и паломников пользовались, в частности, железные цепи, которыми был прикован узник во время своего заточения в Ныробе. Легенды о происходящих от них чудесных исцелениях упоминаются на страницах ПГВ: «Михаил Никитич, славившийся на всю Москву красотой и силой, заточен был в ныробскую волость Устьсыольского уезда, где его уморили стражи голодом. Страшно тяжелые цепи этого исторического изгнанника висят до

сих пор в ныробской церкви. <...> Над каменным же погребом, где содержался М. Н. Романов, устроена часовня; она усердно посещается ныробскими и окрестными жителями, в среде которых так твердо сохранилась память о знаменитом страдальце, что даже железные цепи его многими, а особенно женщинами, надеваются в надежде получить исцеление» (К истории Пермской губернии 1870, № 40: 177). О почитании этих кандалов пишет и Н. Белдыцкий: «Цепи эти, любовно оберегаемые обитателями Ныроба, являются как бы безмолвными свидетелями того ужасного дела, которому было положено начало в Москве, а конец в далекой и холодной Ныробке» [Белдыцкий 1913: 24]. Показательно, что Михаил Никитич Романов упоминается в преданиях и легендах, записанных на территории Чердынского района в конце XX в. Его имя помнят, а цепи, которыми он был прикован, по-прежнему считаются чудотворными: «Цепи Романова были в церкви. Старухи подойдут и Богу молиться будут в цепях-то. Так как цепи-то святыми считали» (Зап. от Васкецова Григория Емельяновича, 1907 г. р., пос. Ныроб, Чердынский район. Соб. М. Седова, Н. Поплахина, 1987, дневник № 364, ФА ПГНИУ). Исследовавший современное состояние ныробской локальной традиции П. С. Куприянов отмечает, что Михаил Романов по-прежнему «оказывается не просто одним из, а главным героем местной истории» [Куприянов 2013: 42].

Легендарная фольклорная проза о святых и подвижниках

В проанализированных нами источниках XIX в. обнаружено несколько текстов, где упоминается имя Стефана Пермского – проповедника христианства на землях народа коми, создателя первого коми алфавита. Миссионерская деятельность св. Стефана является одним из ключевых эпизодов «интенсивной саморефлексии русской культуры, темой которых оказалась Пермь» [Абашев 2000: 63]. Благодаря житию, написанному Епифанием Премудрым, известны детали мирской и религиозной жизни святителя, описаны связанные с ним чудеса (например, уничтожение «прокудливой» березы). В народных легендах упоминаются непростые отношения св. Стефана с местными жителями, встречей с ним объясняются локальные коллективные прозвища и дальнейшая судьба поселений: «...на правом берегу Вычегды есть большое селение Гам: говорят, что жители его известные под именем Гамичей, по удалении св. Стефана дальше вверх, снова обратились к языческим обычаям, и когда праведный муж возвращался назад мимо их рекою, смеясь, кричали ему, что они опять едят

белок; Святой болезновал горько о невеждах и назвал их слепым родом; с тех пор и до ныне вся волость называется презрительно “слепой Гам”» (ПЕВ 1886, № 7: 104). В этом же предании описывается противоположная ситуация – святой благодарит позаботившуюся о нем женщину и благословляет место, где она живет: «...одна женщина, видя худую обувь Праведника, дала ему белья от своих женских трудов; святой в благодарность изрек, что это место будет торговое» (там же).

Село Гам существует в Республике Коми и сегодня, в «Житии...» Епифания Премудрого оно не упоминается, но появляется в других книжных источниках, в т. ч. в «Сказании о жизни и трудах св. Стефана, епископа Пермского» архимандрита Макария: злые жители села сначала грозят святому смертью, но внезапно чувствуют к нему расположение, предлагают «кров и пищу»; приводится здесь сюжет, опубликованный в ПЕВ, а также другой вариант этой легенды: узнав о возвращении гамичей к язычеству, Стефан произнес: «Маловерный народ, слепой народ! Да будет Гам отныне слепым!» – после чего жители села стали подслеповаты и близоруки и получили прозвище «слепородов» [Макарий 1856: 12–13]. Легенда о доброй женщине подана как история, произошедшая в с. Туглим ниже Яренска [там же].

Сюжеты народных легенд, повествующих о путешествии св. Стефана, рассмотрены П. Ф. Лимеровым; в их составе он выделяет 9 основных мотивов, среди которых плавание святого на камне, название поселений, запрет жителям на беличье мясо / конину, наказание их слепотой и проч.; ареал распространения таких легенд включает коми и русские территории, прежде всего в нижнем течении Вычегды и верхнем течении Камы [Лимеров 2008: 191–212]. Сюжет о наказании за непочтительное отношение к святому встречается и в современных записях из Чердынского р-на Пермского края (жители с. Долды «живут у воды, но без воды», т. к. по велению святого Кама «отошла» от села / берег стал крутым) [Курочкина 2012: 113].

Упоминается Стефан Пермский и в работе В. Н. Берха, где имя святого связывается с памятным крестом, установленным в 1619 г. в Бондюжской волости Чердынского уезда: по словам местного священника, «крест сей <...>, как по преданию известно, поставлен учениками Стефана Великопермского, семидесятилетними стариками, в то время, когда здесь не было еще селения. Имена их Герасим, Иона и Питерим; все ли они были здесь в одно время, неизвестно» (Берх 1821: 86). В устной традиции соединились три ученика и преемника св. Стефана, жившие в

XV в.; вольное обращение со временем, проявляющееся в анахронизмах, – типичное проявление фольклорной компрессии [Неклюдов].

Не раз встречаются на страницах пермских газет упоминания основателя Далматовского Свято-Успенского мужского монастыря Далмата Исетского (в миру Дмитрия Мокринского, 1594–1697), который пользовался почитанием в Шадринском уезде Пермской губернии. Хотя со второй половины XIX в. его уже называют иногда «преподобным», официальная канонизация св. Далмата Исетского произошла лишь в XXI в. (в 2004 г. признан местночтимым святым, в 2013 г. утверждено общецерковное почитание). В ПГВ посвященные ему материалы появляются в 1858 и 1866 гг., и в них, по всей видимости, отражены многочисленные монастырские легенды (начиная с 1871 г. часть из них была записана и хранилась в архиве Далматовского монастыря) [Манькова].

Как и Стефан Пермский, св. Далмат распространял христианскую веру – он нес ее зауральским народам: *«Здесь, при впадении реки Течи у подошвы Белого городища в овраге с северо-западной стороны, Далмат остановился, ископал себе пещеру и начал продолжать свои иноческие подвиги. Это было в последний год царствования Михаила Фёдоровича, именно в 1644 году. С этого-то благоприятного времени Заисетский край, покрытый непроходимыми лесами, стал быть населяем русскими жителями и просвещаться христианскою верой»* (ПГВ 1858, № 3: 16). Местное население притесняло Далмата, разоряло монастырь. Спасение Далмату принес чудесный сон с явлением Богородицы, который увидел предводитель сибирских татар Илигей: *«Некая благолепная женщина в ризах багряных, с угрозой на лице и с бичем в десницах, предстает перед ним. При наступлении дня, сопровождаемой толпою своих единоплеменников, он с трепетом приближается к пещере Далмата и с благоговением рассказывает ему о чудесном явлении и прецении благолепной жены, именую её Пресвятой Богородицей»*. После этого Илигей покровительствовал подвижнику, а позднее *«прибыл на Белое городище с детьми и сродниками, взяв с собой Далмата, обвел его вокруг своей вотчины по всем урочищам и, исполняя веления Богоматери, отдал ему на всегда во владение всю свою Приисетскую вотчину»* (там же).

Легендарная проза, связанная с именем Далмата, обширна и многосюжетна. Так, ему приписывается чудесное спасение при пожаре во время очередного набега: *«А сам основатель пустыни Далмат чудесным образом сохранен был среди пожара и насильственной смерти. Равно и принесенная им икона Успения Божией Матери бы-*

ла обретаена после пожара среди пламени во всей целости» (там же). Подаренные Илигеем «любимый железный шишак и кольчуга» после смерти основателя монастыря были помещены в его усыпальнице и пользовались почитанием прихожан (там же). Легенды о Далмате содержат ряд мотивов, общих с жизнеописанием Стефана Пермского: это бедность и отшельничество святых, христианизация ими местных народов и притеснения со стороны тех, кто не хотел принимать христианское учение.

Попадает на страницы пермской периодики и пыскорский архимандрит Пафнутий. Пыскорский монастырь был основан в XVI в. Аникой Строгановым, который «вскоре после смерти своей второй жены Софьи Андреевны в 1567 г. принял постриг с именем Иоасаф в основанной им Пыскорской обители» [Кустова 2016: 72]. Пафнутий состоял на службе в Пыскорском монастыре с 1656 по 1687 г. и был известен не только как «деятельный и дальновидный настоятель», но и как основатель нескольких солеваренных заводов: *«Так, попечением и старанием его отысканы на левом берегу Камы, в том месте, где ныне Дедюхино и Березовый остров, соляные источники, устроены солеподъемные трубы, воздвигнуты варницы. Одна из труб, в память своего основателя, названа тогда же Пафнутиевою, и ныне, хотя давно уже закрыта, называется Пафнуткою»* (ПЕВ 1867, № 24: 393).

В какой-то момент, по преданию, Пафнутий навлек на себя немилость подчиненных, оставил свой пост и ушел в пекари. О дальнейших событиях повествует легенда, опубликованная в ПЕВ: *«Когда и здесь [в должности пекаря] злоба не претавала его преследовать, он употребил последнее средство образумить заблудших. Когда печь была истоплена, он, раздевшись совершенно, вошел в нее и замел все угли к стороне, как бы показывая тем, что если люди на него возстанут не справедливо, то стихия не смеет сего сделать. За сим, когда не могло убедить озлобленных и сие чудо, он, выняв из печи хлебы и сдав их кому следует, оставил неблагодарный монастырь и с сумою и посохом странника пустился вниз по Каме»* (там же). Автор добавляет, что «народная молва (в Дедюхине и Пыскоре) считает его праведным». Отметим, что чудесное спасение праведников или святых в огне – распространенный житийный и легендарный мотив (его мы уже встречали в легендах о старце Далмате).

Ермак, Пугачев и другие исторические лица

Остался в народной памяти и поход Ермака, путь которого в Сибирь частично пролегал по территории Пермской губернии. В ПГВ в подавляющем большинстве случаев имя Ермака встре-

чается в связи с описанием местных топонимов: «*Ермаково городище на реке Сылве, где Ермак с дружиною своей провел зиму 1578–1579 года*»; «*Ермак-камень, береговая известняковая скала на правой стороне реки Чусовой, в 34-х верстах ниже Кыновского завода, при устье речки Ермаковки. Посредине стены, обращенной к реке, в 10-ти сажнях от поверхности воды, находится вход в обширную пещеру, разделенную на множество гротов. По местному преданию, Ермак зимовал в этой пещере во время похода своего в Сибирь и похоронил в ней сокровища свои. Поэтому гора и пещера носят название Ермаковых*» (ПГВ 1881, № 74: 370)⁵.

Уральские и сибирские предания об этом герое подробно рассмотрены В. В. Блажесом. В работе «Фольклор Урала: народная история о Ермаке» он приводит тексты XVII–XIX вв. из различных источников и выделяет все встречающиеся в них мотивы [Блажес 2002: 74–82]. В материалах, собранных и опубликованных в XIX – нач. XX в., значительное место принадлежит именно топонимическим преданиям [там же: 8–11]. Их активное бытование по р. Чусовой может объясняться тем, что здесь пролегал путь Ермаковой дружины [Чагин 1999: 52–53]. Существует, однако, и другая устойчивая традиция ермаковых преданий, она локализована в окрестностях г. Кунгура и по р. Сылве. Согласно ей, Ермаково войско попало сюда «по ошибке» и осталось на зимовку, после чего вернулось назад и продолжило путь в Сибирь по Чусовой. Эта версия похода Ермака известна по казачьей Кунгурской летописи XVII в.; В. В. Блажес полагает, что кунгурский летописец отразил именно местную устную историю [Блажес 2002: 20–22].

Вероятнее всего, фольклорным является и представление о том, что Ермак породнился со Строгановыми, которые помогали ему снаряжать войско. Лаконичное упоминание об этом обнаруживается в ПГВ: «*Ермаку воздвигнули уже памятник в Сибири; но за чем же забыт Максим Строганов, на дочери которого женат был Ермак, и который дал своему зятю помощь деньгами и людьми, без чего несомненно предприятие это [сибирский поход] бы не имело никаких последствий*» (К истории Пермской губернии 1870, № 40: 177). Предание о том, что перед походом в Сибирь Ермак похоронил в Ледяной пещере свою жену, которая была «из рода Строгановых», зафиксировано однократно в 1898 г. и относится к числу крайне редких [Блажес 2002: 58], – тем ценнее вариант, найденный в губернской периодике XIX в.

Неожиданностью для нас оказалось то, что упоминания устных сведений, относящихся к роду Строгановых, на страницах печати бук-

вально единичны. Так, про евангелие, переданное из орловской церкви Соликамского уезда в ново-усольскую Николаевскую церковь говорится, что, по преданию, оно «*написано собственноручно одною из именитых жещицн Строгановых*» (ПГВ 1883, № 24: 123). С именем Строгановых связывается появление местнотимой иконы св. Николая чудотворца, почитавшейся в с. Кольцово под Пермью: «*...в этой местности, где ничего не было, кроме непроходимых лесов, одному человеку явился старец и велел написать икону святителя Николая и поставить в находящейся пещере; за тем старец сделался невидим. Удостоившийся такого явления, для написания иконы отправился будто бы в имение Строгановых, где были живописцы, и написанную икону принес и поставил в пещере*». Хотя в дальнейшем икона хранилась в храме, в народе она называлась «пещерская» (Остроумов 1872, № 30: 297).

В устной истории Пермской губернии не могло не отразиться имя Емельяна Пугачева. Предания о нем встречаются в составе исторических очерков о столкновениях местного населения с пугачевцами. Так, в Кунгуре в день нашествия Пугачёва совершался крестный ход в память о чудесном избавлении от бунтовщиков: «*...жители города во время последнего нападения Пугачёва, 23 января, вознамерились сделать молебствие и, поднявши из Тихвинской церкви икону Божией Матери, вышли с нею на вал к той стране, где стоял отряд Пугачева, состоявший из Башкирцев, Татар и бродяг разных сословий; эта сволочь Пугачев, увидя на валу такое множество народа, сочла его за прибывшее вновь из Кунгура войско и, испугавшись, побежала от города. С того времени осталось в Кунгуре и поныне еще хранится в Тихвинской церкви знамя из шелковой материи*» (Бувевский 1855, № 17: 28). Кунгур действительно сильно пострадал от пугачевских набегов. В 1896 г. было опубликовано «Сказание о нападении на Кунгур и уезд злодейских Пугачевских шаек и об обороне кунгурских граждан», написанное священником П. Пономаревым, который также упоминает о спасительной роли иконы Тихвинской Божией Матери: «*...когда во время приступа к городу <...> жители с крестным ходом вышли на вал, то злодеям показалось на валу многочисленное войско, и они, испугавшись, бежали от города никем не преследуемые*» (Пономарев 1896).

В ПГВ образ Пугачева имеет однозначно отрицательную характеристику. По-видимому, цензура не пропускала на страницы этой газеты сюжеты, в которых бы он был представлен как спаситель, помощник и т. п., – хотя известно, что такие предания тоже существовали [Кругляшова 1983: 52]. Фольклорные экспедиции XX–XXI вв.

показывают, что образ Пугачева по-прежнему жив в народной памяти: «Одолела царя Емельяна дума: освободить народ. Но схватили его самого, в железной клетке в Москву привезли и на плаху. Сказывают, может, и не казнили, может и жив де, да не показывается» (Зап. в с. Редикор, Чердынский район, Пермская область. Соб. Седова М., Поплаухина Н., 1987) (ФА ПГУ, дневник 364). Образ этого героя был со временем романтизирован и идеализирован, в том числе и советской властью, – возможно, поэтому предания и легенды о нем бытуют по сей день.

В ряду исторических персонажей, упоминаемых в устных рассказах, несколько особняком стоит Александр фон Гумбольдт – немецкий географ и путешественник, брат Вильгельма фон Гумбольдта. В 1829 г. ученый путешествовал по России и добрался до Перми. Его пребывание на Урале отразилось в предании о рудниках Верх-Исетского завода: «когда Александр фон Гумбольдт путешествовал по Уралу и был вблизи этого нынешнего медного рудника, на так называемом Ключевском золотом прииске, то будто бы говорил, что вблизи прииска непременно должна находиться богатая медная руда. Может быть, тогда на эти слова великаго ученаго не обратили внимания или скоро забыли» (З-н 1866, № 28: 111). Впоследствии на указанном Гумбольдтом месте обнаружили богатейший медный рудник. Рассказы о предсказании, сделанном путешественником, вряд ли имели широкое распространение и могли циркулировать в среде заводской администрации и горных инженеров.

Итак, анализ образов и сюжетов пермской легендарно-исторической прозы, зафиксированной в источниках XIX в., показывает, что в фольклорную традицию Пермской губернии предсказуемо входят имена тех исторических лиц, которые оказали большое влияние на жизнь региона. Из правителей государства в устные рассказы попадают те, кто значительным образом изменил жизнь страны (Иван Грозный, Петр I) или посетил губернию (Александр I). Из числа прочих исторических персонажей наиболее популярными оказываются Стефан Пермский, начавший христианизацию народов коми, Ермак, отправившийся в сибирский поход из пермского Орла-городка, и бунтовщик Пугачев, от которого пострадали города и села на юге Пермского Прикамья. Часть сюжетов является общей с другими региональными традициями: предания о встрече простого человека с царем широко известны на Русском Севере; рассказы о путешествии св. Стефана Пермского бытуют в Северном Прикамье и Республике Коми; предания о Ермаке из Пермского края уходят в Зауралье и Сибирь. Некоторые исторические лица фигурируют в более

узкой региональной устной традиции: предания и легенды об опальном Михаиле Романове зафиксированы в бывш. Чердынском уезде, о старце Далмате – в Шадринском уезде, там же складываются их локальные культы. В публикациях XIX в. удалось обнаружить реально-исторических персонажей, которые не известны как герои устных легенд и преданий (пыскорский архимандрит Пафнутий, путешественник Александр фон Гумбольдт), а также уникальные фольклорные мотивы (женитьба Ермака на дочери Строганова). Выявленная совокупность исторических персонажей и сюжетов дает представление о состоянии пермской устной традиции в XIX в., хотя, конечно, не в полной мере отражает его. На отбор сведений, попавших в губернские газеты, мог существенно влиять официальный статус этих изданий, а также интересы и вкусы читателей.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 16-34-00007-ОГН («История Северного Прикамья в зеркале фольклора (на материале публикаций XIX–начала XX вв.)»).

² Работа с выпусками ПГВ и ПЕВ осуществлялась в фондах Пермского краеведческого музея. Ссылки на материалы источников даются в круглых скобках.

³ В одном тексте может быть представлено несколько таких важных компонентов: например, в предании о спасении города Кунгура от пугачевцев выделяется субъект (Пугачев и его войско), локус (место – Кунгур), объект (икона), чудо (обеспеченное иконой спасение горожан). Подобная формализация текстов является частью подготовительной работы для создания электронной базы данных и указателя сюжетов и мотивов к пополняемому корпусу пермской фольклорной легендарно-исторической прозы.

⁴ Истории о ее пребывании на Выг-озере стали частью фольклорной традиции, см.: [Криничная 1999: № 330–335].

⁵ Заметка перепечатана из «Исторического вестника» без указания автора, года и номера издания.

Список источников

Берх В. Н. Путешествия в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб., 1821. 234 с.

Бувеский С. Материалы для статистики, собранные в 1854 году, о городе Кунгур // Пермские губернские ведомости. 1855. № 17.

З-н. Исторический очерк Верх-Исетского завода // Пермские губернские ведомости. 1866. № 28.

Зырянов А. Н. Заметки о пребывании в Зауралье Государя императора Александра Павловича в 1824 г. // Пермские губернские ведомости. 1866. № 12.

К истории Пермской губернии // Пермские губернские ведомости. 1870. № 40.

Луканин А. Город Соликамск в историческом и археологическом отношении // Пермские губернские ведомости. 1858. № 41.

Об истории Пыскорского монастыря // Пермские епархиальные ведомости. 1867. № 24.

Остроумов Г. 11-е число июля 1872 года в Кольцовском селе // Пермские епархиальные ведомости. 1872. № 30.

Пономарев П. П. Сказание о нападении на Кунгур и уезд злодейских Пугачевских шаек и об обороне кунгурских граждан. Кунгур, 1896. URL: <https://uraloved.ru/istoriya/pugachevskoe-vostanie-v-kungure> (дата обращения: 12.09.2018).

Попов Г. Боярин Михаил Никитич Романов в селе Ныробе, в заточении // Пермские епархиальные ведомости. 1873. № 10.

Попов Г. Освящение Верхотурского Свято-Троицкого собора // Пермские губернские ведомости. 1859. № 11.

Список литературы

Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2000. 404 с.

Белдыцкий Н. П. Ныробский узник и древности села Ныроба, Чердынского уезда. Пермь: Электротип. Губ. Зем., 1912. 44 с.

Блажес В. В. Фольклор Урала: народная история о Ермаке. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 186 с.

Гладышев В. Ф. Нас посетила святая. Неизвестные подробности приезда православной святой на Пермскую землю. URL: <http://www.ip-ro.ru/old/history/pred/ef/6/4/index.html> (дата обращения: 09.09.2018).

Зорина Л. И. Уральское общество любителей естествознания 1870–1929 гг. Екатеринбург: Банк Культурной Информации, 1996. 208 с.

Королёва С. Ю. Чудь с русскими именами: кого и как поминают на чудских могильниках? (материалы Верхнего Прикамья) // Социо- и психолингвистические исследования. 2014. № 2. С. 156–170.

Криничная Н. А. Предания Русского Севера. СПб.: Наука, 1991. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/pre/dan/ya/> (дата обращения: 01.10.2018).

Кругляшова В. П. По следам А. С. Пушкина // Фольклор Урала. Вып. 7: Бытование фольклора в современности. Свердловск, 1983. С. 52–59.

Кругляшова В. П. Предания и легенды Урала. Свердловск: Урал. кн. изд-во, 1991. 288 с.

Куприянов П. С. Ныробский узник: исторический персонаж как «гений места» // Фольклор

XXI века: Герои нашего времени. М., 2013. С. 39–54.

Куручкина М. В. Устные истории прикамских сел и деревень в системе локального и семейного фольклора (на материале современных записей) // Дергачевские чтения – 2011: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности / сост. А. В. Подчинов. Екатеринбург, 2012. Т. 3. С. 111–120.

Кустов В. А. Фольклорно-этнографические материалы в газете «Пермские губернские ведомости» 1870-х гг. // Ученые записки Пермского государственного педагогического университета. Т. 90: Фольклор и литература Урала: материалы науч. конф. Пермь, 1971. С. 136–138.

Кустова Е. В. Верхъязвинская (Обвинская) Успенская пустынь: из истории основания и возрождения пермской обители // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: в 2 ч. / под ред. А. И. Демченко. Тамбов: Грамота, 2014. № 11(49), Ч. II. С. 107–109.

Кустова Е. В. Строгановы и монастырское строительство в Приуралье в середине XVI–XVII вв. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 402. С. 71–78.

Лимеров П. Ф. Образ св. Стефана Пермского в письменной традиции и в фольклоре народа коми. М.: Наука, 2008. 256 с.

Макарий, архимандрит. Сказание о жизни и трудах святого Стефана, епископа Пермского. СПб.: тип. Эдуарда Веймара, 1856. 67 с.

Моряхина К. В. К вопросу о классификации легенд о Пермской чуди // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции / под ред. А. М. Белавина. Пермь, 2014. № 9. С. 81–86.

Мороз А. Б., Петров Н. В. Между мифом и историей. М.: ФОРУМ: НЕОЛИТ, 2016. 496 с.

Неклюдов С. Ю. Фольклор: типологический и коммуникативный аспекты. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov15.htm> (дата обращения: 09.09.2018).

Приказчикова Ю. В. Устная историческая проза Вятского края: Материалы и исследования. Ижевск: Удмуртский ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 2009. 392 с.

Соколова В. К. Русские исторические предания. М.: Наука, 1970. 289 с.

Чагин Г. Н., Климов В. В., Ратегова А. П. Парма – земля чуди: правда и мифы. Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 2009. 144 с.

Чагин Г. Н. История в памяти русских крестьян Среднего Урала в середине XIX – начале XX века: учеб. пособие. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1999. 163 с.

Чагин Г. Н. Города Перми Великой Чердынь и Соликамск. Пермь: Кн. мир, 2004. 256 с.

Чагин Г. Н. Святые и древности Ныробской земли. Пермь: Пушкиа, 2013. 173 с.

References

- Abashev V. V. *Perm' kak tekst. Perm' v russkoy kul'ture i literature 20 veka* [Perm as a text. Perm in the Russian culture and literature of the 20th century]. Perm, Perm State University Press, 2000. 404 p. (In Russ.).
- Beldytskiy N. P. *Nyrobkiy uznik i drevnosti sela Nyroba, Cherdynskogo uyezda* [The Nyrob prisoner and antiquities of the village Nyrob of the Cherdyn region]. Perm, Electronic Publishing House of the Governorate, 1912. 44 p. (In Russ.).
- Blazhes V. V. *Fol'klor Urala: narodnaya istoriya o Ermake* [Ural folklore: folk tale about Ermak]. Yekaterinburg, Ural Federal University Press, 2002. 186 p. (In Russ.).
- Gladyshev V. F. *Nas posetila svyataya. Neizvestnye podrobnosti priezda pravoslavnoy svyatoy na Permskuyu zemlyu* [The saint has visited us. Unknown details of the Orthodox Saint's visit to the Perm region]. Available at: <http://www.ippo.ru/old/history/pred/ef/6/4/index.html> (accessed 09.09.2018). (In Russ.).
- Zorina L. I. *Ural'skoe obshchestvo lyubiteley estestvoznaniya 1870–1929 gg.* [The Ural society of lovers of natural science 1870–1929]. Ekaterinburg, Bank Kul'turnoy Informatsii Publ., 1996. 208 p. (In Russ.).
- Koroleva S. Yu. *Chud' s russkimi imenami: kogo i kak pominayut na chudskikh mogil'nikakh? (materialy Verkhnego Prikam'ya)* [Chudes with Russian names: who and how are commemorated on Chude's burial grounds? (North Prikamye tradition)] *Sotsio- i psikholingvisticheskie issledovaniya* [Socio and Psycholinguistic Research], 2014, issue 2, pp. 156–170. (In Russ.).
- Krinichnaya N. A. *Predaniya Russkogo Severa* [Stories of the Russian North]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1991. Available at: <https://www.booksite.ru/fulltext/pre/dan/iya/> (accessed 01.10.2018). (In Russ.).
- Kruglyashova V. P. *Po sledam A. S. Pushkina* [In the footsteps of A. S. Pushkin]. *Fol'klor Urala. Vyp. 7: Bytovanie fol'klora v sovremennosti* [Ural Folklore. Issue 7: Existence of folklore in modernity]. Sverdlovsk, 1983, pp. 52–59 (In Russ.).
- Kruglyashova V. P. *Predaniya i legendy Urala* [Tales and legends of the Ural]. Sverdlovsk, Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1991. 288 p. (In Russ.).
- Kupriyanov P. S. *Nyrobkiy uznik: istoricheskiy personazh kak 'geniy mesta'* [Nyrob Prisoner: historical character as 'genius of the place']. *Fol'klor 21 veka: Geroi nashego vremeni* [Folklore of the 21st century: heroes of our time]. Moscow, 2013, pp. 39–54. (In Russ.).
- Kurochkina M. V. *Ustnye istorii prikamskikh sel i dereven' v sisteme lokal'nogo i semeynogo fol'klora (na materiale sovremennykh zapisey)* [Oral stories of Prikamye's settlements and villages in the system of local family's folklore (based on modern records)]. *Dergachevskie chteniya – 2011: Russkaya literatura: natsional'noe razvitiye i regional'nye osobennosti* [Dergachev's Readings – 2011: national development and regional particularities]. Ed. by A. V. Podchinenov. Yekaterinburg, 2012, vol. 3, pp. 111–120. (In Russ.).
- Kustov V. A. *Fol'klorno-etnograficheskie materialy v gazete "Permskie gubernskie vedomosti" 1870-kh gg.* [Folk-ethnographic materials from the newspaper "Perm region gazette" of 1870]. *Uchen. zapiski Gos. ped. un-ta. Tom 90: Fol'klor i literatura Urala: mater. nauch. konf.* [Scientist's notes of State Pedagogical University. Vol. 90: Folklore and literature of the Ural: proceedings of scientific conference]. Perm, 1971, pp. 136–138. (In Russ.).
- Kustova E. V. *Verkh'yazvinskaya (Obvinskaya) Uspenskaya pustyn': iz istorii osnovaniya i vrozhdeniya permskoy obiteli* [Upper-Yazva (Obvinsk) Uspensky hermitage: from history of Perm cloister formation and revival]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. V 2 ch.* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice. In 2 pts]. Ed. by A. I. Demchenko. Tambov, Gramota Publ., 2014, issue 11(49), pt. 2, pp. 107–109. (In Russ.).
- Kustova E. V. *Stroganovy i monastyrskoe stroitel'stvo v Priural'e v seredine 16–17 vv.* [The Stroganovs and monastery construction in the Urals in the mid-16th and 17th centuries] *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2016, issue 402, pp. 71–78. (In Russ.).
- Limerov P. F. *Obraz sv. Stefana Permskogo v pis'mennoy traditsii i v fol'klоре naroda komi* [Image of the Saint Stefan of Perm in the writing tradition and folklore of the Komi people]. Moscow, Nauka Publ., 2008. 256 p. (In Russ.).
- Makariy, arhimandrite. *Skazanie o zhizni i trudakh svyatogo Stefana, episkopa Permskogo* [Legend about life and works of Saint Stefan of Perm]. St. Petersburg, Publishing House of Eduard Veymar, 1856. 67 p. (In Russ.).
- Moryakhina K. V. *K voprosu o klassifikatsii legend o Permskoy chudi* [To the issue of classification of legends about the Perm Chud]. *Trudy Kamskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii* [Works of the Kama archaeological and ethnographic expedition]. Ed. by A. M. Belavin. Perm, 2014, issue 9, pp. 81–86. (In Russ.).
- Moroz A. B., Petrov N. V. *Mezhdumifom i istoriei* [Between the myth and history]. Moscow, FORUM: NEOLIT Publ., 2016. 496 p. (In Russ.).
- Neklyudov S. Yu. *Fol'klor: tipologicheskiy i kommunikativnyy aspekty* [Folklore: typological

and communicative aspects]. Available at: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov15.htm> (accessed 09.09.2018). (In Russ.).

Prikazchikova Yu. V. *Ustnaya istoricheskaya proza Vyatskogo kraja: Materialy i issledovaniya* [Oral historical prose of the Vyatka region: materials and studies]. Izhevsk, Udmurt Institute of History, Language and Literature, UB RAS Press, 2009. 392 p. (In Russ.).

Sokolova V. K. *Russkie istoricheskie predaniya* [Russian historical tales]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 289 p. (In Russ.).

Chagin G. N., Klimov V. V., Rategova A. P. *Parma – zemlya chudi: pravda i mify* [Parma – territory of the Chud: truth and myths]. Kudymkar, Ko-

mi-Permyatskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2009. 144 p. (In Russ.).

Chagin G. N. *Istoriya v pamyati russkikh krest'tyan Srednego Urala v seredine 19 – nachale 20 veka* [History in memory of Russian peasants of the Middle Urals in the middle of the 19th – early 20th centuries]. Perm, Perm State University Press, 1999. 163 p. (In Russ.).

Chagin G. N. *Goroda Per'mi Velikoy: Cherdyn' i Solikamsk* [Towns of Great Perm: Cherdyn' and Solikamsk]. Perm, Knizhnyy mir Publ., 2004. 256 p. (In Russ.).

Chagin G. N. *Svyatyni i drevnosti Nyrobskoy zemli* [Shrines and antiquities of the Nyrob land]. Perm, Pushka Publ., 2013. 173 p. (In Russ.).

HISTORICAL CHARACTERS IN FOLK LEGENDS OF THE PERM REGION (Based on Publications of the 19th Century)

Oksana A. Kolegova

Teacher of Russian as a Foreign Language

Saint-Petersburg State Institute of Technology

26, Moskovskiy prospekt, St. Petersburg, 190013, Russian Federation. okko.21@yandex.ru

SPIN-code: 7596-9696

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6908-0940>

ResearcherID: S-4036-2018

Submitted 16.10.2018

The study of legendary and historical folklore makes us acquainted with the verbal version of history which has developed in a particular territory and which is to a great extent different from the official history. The article considers stories and legends concerning the Perm region, found in publications of the 19th century and centering around real historical persons, being the main characters of these stories. Analysis of their plots shows many aspects: how the local people comprehended their contacts with representatives of other ethnic groups; what information concerning the foundation of towns, villages and erection of churches became a part of the local tradition; how the figures of rulers, religious figures, rioters and etc. were presented in the people's consciousness. The folk tradition of the Perm region includes the names of historical characters who had a major impact on the national and local history (Ivan IV, Peter I), or visited this territory (Alexander I). Among the historical characters being popular in Perm historical folklore are Stefan Permsky, Cossack chieftain Ermak, rioter Pugachev. These persons visited the Perm region and had a particular effect on the local life (for example, Stefan Permsky preached orthodoxy and created the first alphabet for the Komi). Some of the characters and plots are common with other regional traditions. However, there are also found local characters peculiar to the region ('Nyrob's prisoner' Mikhail Romanov, abbots Dalmat and Pafnutiy) and rare motifs (Ermak's marriage to a Stroganov's daughter). Mikhail Romanov is still remembered and honored by the local people; folklore consciousness discovered some features of a saint and a hero in his personality. The identified historical characters and plots allow us to get acquainted with the Perm verbal tradition of the 19th century, though not to the full extent. It is noteworthy that due to the censorship rules many texts were not published in Perm periodicals.

Key words: historical folklore; 19th-century periodicals; story; legend; historical character; Ivan IV; Peter I; Stefan Permsky; Dalmat Isetsky; Ermak; Pugachev.